

Монарх наказывает одного вольнодумца¹⁵

Некто из ученых чиновников, будучи в одной компании, говорил слишком вольно насчет преданий церковных, относя оные к вымыслам корыстолюбивого духовенства; причем касался он в ироническом тоне и неких мест Св. Писания.

Великий государь о сем узнает и на другой день поутру призывает вольнодумца того к себе, спрашивая его: «Говорил ли ты во вчерашней компании такие слова?» Нельзя было не признаться. «Как же ты осмеливаешься ослаблять такую струну, которая составляет наилучшую гармонию всякого благоустроенного общества? Да ты же не с должным еще уважением касался и до неких мест Св. Писания, чем уже ты, бездельник, и успел соблазнить многих из бывших с тобою в компании. Я тебя научу, как должно почитать оное и не разрывать цепи, все в устройстве содержащей», — и тогда же дал ему несколько ударов своею палкою, приговаривая: «Не соблазняй верующих честных душ; не заводи вольнодумства пагубного благоустройству; не на тот конец старался я тебя выучить, чтоб ты был врагом общества и церкви».

Мы уже впрочем видели в «Деяниях» великого государя, колико он не терпел вольнодумцев, а паче дерзающих что-либо говорить против веры и бессмертия души, как опаснейших врагов общества; и поистине: «Неверующий жизни будущей, — говорит гр. Оксенстирн, — есть чудовище природы, потому что живет он, не зная для чего, и умирает, не ведая, что он будет. На сем свете лишен он утешения, надежды, а в будущем устыдится подлинностию вечных мук. Два друга, — продолжает он же, — расстались в младости: один из них сделался монахом, а другой военным служащим; сей последний, к несчастью, попавшись в шайку пагубных вольнодумцев, сделался неверующим бессмертию души.

По нескольких годах встретились они нечаянно в Париже и узнали друг друга. «Ах! — сказал офицер. — Бедный мой друг! Как ты мне жалок, если нет рая!» — «Я тогда ничего не потеряю; а ты гораздо меня жалче, буде есть ад», — отвечивал монах».

Какое поистине ослепление бедных вольнодумцев таковых, добровольно лишаящихся сладостнейшего утешения, доставляемого верою во Иисуса Христа, верою, вливающею в щастии умеренность, в напастях услаждение, верою, совесть, ужас пороков, сомнение разума, восстание страстей, страх смерти, суда, вечности успокаивающей! «Торжество веры, — говорит один славный писатель, — утешать человека в нещастии, растворяет сладостию небесною горести жизни сея». И может ли посему друг добродетели, Евангелием проповедуемой, быть в согласии с Гоббсом, Спинозою, Гельвецием, Белем, Вольтером, Ламетрием и с подобными им, из которых не было ни одного, который бы после не опровергал зломудрствования своего, не раскаивался о заблуждениях своих, и, находясь при смерти, не проклинал их с робостию отчаянного. Самый отважнейший из них Гоббс умер с таким малодушием, с какою отвагою восставал против самых священнейших догматов веры, как предаст нам История.